

А. Я. Пэрна.

(Надгробное слово, сказанное представителемъ Геологическаго Кружка студентовъ Горнаго Института).

Исполняя порученіе Геологическаго Кружка студентовъ Горнаго Института, съ тяжелымъ чувствомъ подхожу я къ гробу Александра Яковлевича,—сказать ему отъ лица Кружка послѣднее прости. Я подхожу подѣлиться со всѣми Вами тою искренней скорбью, какую всѣ мы, безъ различія возрастовъ и близости къ А. Я., испытываемъ у его гроба.

Весь послѣдній годъ А. Я. состоялъ председателемъ Геологическаго Кружка. Этотъ Кружокъ самообразованія возникъ въ 1910 году и когда то дѣятельно работаль, но когда въ 1914 году многіе изъ участниковъ пошли въ дѣйствующую армію, налаженная годами жизнь Кружка, прервалась почти на 1½ года. Только исключительная энергія А. Я., его исключительное личное обаяніе сумѣли въ январѣ этого года возродить Кружокъ и вернуть его къ жизни. И, какъ фокусъ симпатіи студентовъ, какъ человѣкъ, окруженный ореоломъ непреходящаго уваженія, А. Я. единогласно выбирается председателемъ. Цѣлый годъ напряженно работаетъ А. Я. въ Кружкѣ, принимая живѣйшее участіе во всѣхъ его дѣлахъ и заботахъ. А. Я. председательствуетъ, читаетъ доклады, вступаетъ въ переговоры съ докладчиками, работаетъ надъ составленіемъ Библиотеки Кружка и съ неустанной энергіей буквально одинъ ведетъ объяснительскую секцію Кружка. Во всемъ этомъ А. Я. добровольно беретъ на себя безусловно большую долю работы. И этотъ безропотный добровольный трудъ замѣчателемъ еще потому, что вѣдь А. Я. не всегда имѣлъ даже достаточно сна и отдыха. Вѣдь А. Я. еще недавно вступилъ въ Геологическій Комитетъ; вѣдь онъ состоялъ помощникомъ Хранителя Музеума, причемъ ему нерѣдко приходилось ходить въ Музей даже по ночамъ; онъ преподавалъ въ воскресныхъ школахъ и, самое главное, былъ чрезвычайно исполнительнымъ, до щепетильности внимательнымъ къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ, сначала какъ ассистента, потомъ какъ адъюнкта нашего Института; сверхъ этого А. Я. непрерывно работаль въ научной области. И все же при всей перегруженности, переносимой имъ на печальномъ фонѣ роковой болѣзни, А. Я. умѣлъ и нашему Кружку удѣлять огромную долю времени и труда. Этой добровольной, этой молчаливой жертвы мы студенты забыть не можемъ. Главнымъ интересомъ А. Я. въ Кружкѣ была объяснительская секція. Цѣль ея заключается въ популяризациі геологическихъ знаній и въ попутномъ демонстрированіи этихъ знаній образцами нашего музея передъ различными экскурсіями, посѣщающими музей. А. Я. съ особенной любовью относился именно къ этой работѣ, и надо было видѣть какъ радовался онъ, когда замѣчалъ вниманіе и пониманіе со стороны своей случайной аудиторіи, когда слышалъ ея благодарность. И радость эта объяснялась не тѣмъ, что адресовалась она къ А. Я., а тѣмъ, что А. Я. былъ прирожденнымъ выдающимся педагогомъ, стремившемся каждому ученику своему представить трактуемый вопросъ въ наивозможно ясной и легко воспринимаемой формѣ. А. Я. въ высокой степени обладалъ тѣмъ качествомъ, которое я рѣшилъ бы назвать педагогическимъ тактомъ. Это особенно легко сказать мнѣ и тѣмъ немногимъ изъ студентовъ, которымъ пришлось заниматься въ Институтѣ подъ личнымъ руководствомъ А. Я.

Мнѣ хочется вспомнить еще о нашемъ ученическомъ взглядѣ на своего учителя. И я смѣло говорю, что на А. Я. мы смотримъ какъ на замѣчательно мягкаго, удивительно чуткаго и добраго человѣка. И это не мое только мнѣніе, это мнѣніе всѣхъ, кто близко и подолгу соприкасался съ нимъ. А. Я. и здѣсь отдавалъ намъ добровольно массу времени, нерѣдко засиживался позже закрытія Института, часто бесѣдовалъ съ нами не только на учебныя темы, но и по различнымъ широкимъ вопросамъ естествознанія; иногда касался и религіозныхъ вопросовъ, которые повидимому составляли одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ душевной жизни его...

Вспоминается мнѣ А. Я. въ его тихомъ Институтскомъ кабинетѣ или въ его уютномъ кабинетѣ домашнемъ, вспоминается съ постоянно задумчивымъ, всегда немного грустнымъ взглядомъ, съ застѣнчивой и робкой улыбкой... Во время бесѣдъ въ этомъ взглядѣ, въ этой улыбкѣ точно сама душа свѣтилась, душа застѣнчивая и кроткая, душа отзывчивая и привѣтливая, душа, согрѣвающая своей уютной теплотою.

Рѣдко такіе люди встрѣчаются въ жизни. Изрѣдка читаешь о нихъ въ очень

хорошихъ книгахъ. Наши же жизненные пути не только пересѣклись съ орбитой А. Я., но счастливая судьба наша дала имъ возможность слиться на цѣлые годы. И эти годы не могутъ быть забыты ни учениками, ни сотрудниками А. Я. по Кружку. Ибо живъ былъ А. Я. и жилъ Кружокъ полной жизнью; ушелъ А. Я. и у осиротѣлаго Кружка эта неожиданная смерть вырвала живое сердце. Что излечитъ намъ нашу рану? Я вѣрю, что любовь къ нему, я вѣрю, что глубокое уваженіе и преклоненіе передъ хорошей памятью его заставитъ Кружокъ продолжать вызванное А. Я. къ жизни дѣло геологическаго самообразованія, то дѣло, которое безконечно дорогою для насъ А. Я. любилъ до послѣднихъ дней своей жизни.

Б. Терлецкій.

Слово, сказанное рабочимъ, ученикомъ Смоленскихъ классовъ Шлиссельбургскаго тракта 19-го Января 1917 на вечерѣ въ память А. Я. Пэрна, устроенномъ въ Горномъ Институтѣ.

Мы, рабочіе, ученики Смоленскихъ Вечернихъ Классовъ съ глубокимъ чувствомъ горечи узнали о кончинѣ нашего незабвеннаго и глубокоуважаемаго учителя Александра Яковлевича Пэрна. Въ лицѣ его мы потеряли прекраснаго учителя, стремящагося, къ тому, что бы каждый ученикъ понималъ сказанное имъ слово, и нужно отдать справедливость, ему это каждый разъ удавалось, онъ умѣлъ возбудить у насъ мысль къ воспринятію той или иной истины, и мы шли вмѣстѣ съ нимъ ближе и ближе къ прогрессу. Изъ темныхъ душныхъ мастерскихъ, придя на его уроки и убаюканные его ласковыми привѣтливыми глазами, его задушевымъ словомъ, мы уносились мечтой далеко, далеко и черпали новыя силы для борьбы за свое существованіе. Всей своей фигурой онъ какъ бы звалъ насъ къ борьбѣ за идеалы справедливости. И вотъ теперь въ тяжелую годину, когда все человѣчество стоитъ передъ пропастью, и когда бойня народовъ съ большей и большей энергіей развивается и уничтожаетъ на своемъ пути все, когда нѣкоторыя народности стерты, или на половину стерты съ лица земли, гибель грозитъ и мировой культурѣ и когда прогрессъ отброшенъ на нѣсколько столѣтій назадъ, мы потеряли его. Тяжела эта потеря: слишкомъ мало людей, стремящихся служить наукѣ тамъ, гдѣ она особенно нужна, а именно въ средѣ рабочаго класса. Въ лицѣ А. Я. сошелъ въ могилу незамѣнимый для насъ человѣкъ, и какъ онъ намъ говорилъ о кометахъ, которыя движутся по параболѣ, и проходя мимо земли оставляютъ о себѣ воспоминаніе, уходятъ въ пространство и больше не возвращаются, такъ и онъ, нашъ дорогой учитель, пришолъ къ намъ рабочимъ, бросилъ свой свѣтлый лучъ и ушолъ. Ушолъ туда, откуда нѣтъ возврата. И лучъ свѣта будетъ напоминать о счастливомъ времени. Такъ спи же спокойно въ могилѣ *Нашъ вѣрный товарищъ!*

(Ученики Смоленскихъ Классовъ).

Печатаемое шуточное стихотвореніе А. Я. Пэрны заключаетъ въ себѣ отраженіе ученія будданзма о переселеніи душъ въ схемѣ геологической исторіи населенія земли.

* * *

Въ туманѣ прошлаго навѣки испарились
Былые дни столь древняго девона,
Когда спириферы въ моряхъ водились,
А въ рощахъ высились стволы ботродендрона.

Я смутно помню это время треволнений,
Когда я въ морѣ мелкой рыбой жилъ
И видѣлъ проплывающихъ клименій
И трилобитовъ, залѣзавшихъ въ иль.

Но вотъ однажды утромъ въ часъ прохладный
Свирѣпый гонягитъ ко мнѣ полѣзь
И проглотилъ меня цефалоподъ нещадный,—
Такъ міръ девонскій для меня исчезъ.

Затѣмъ я помню лѣсъ сырой и знойный,
И листьевъ папоротниковъ чудеснѣйшій нарядъ.
И каламитовъ шелестъ безпокойный,
И стройный лепидодендроновъ рядъ.

Я ползаль въ обществѣ хвостатыхъ земноводныхъ
И знойные лучи ласкали спину мнѣ,
Я плаваль и нырять въ болотахъ неподобныхъ
Не зная про добро, не вѣдая о злѣ.

Порой я упивался битвой безразсудной,—
Но ахъ, все-жъ мало помню изъ того,
Что пережилъ въ той жизни странно чудной,—
Вѣдь это было такъ давно, давно...

Прошли вѣка вѣковъ, прошли эоны,
И міръ вокругъ меня уже иной,—
Вездѣ кишать свирѣпые драконы:
То наступилъ великій мезозой.

Передо мной широкая равнина
У моря возвышеніе. На его краю,
Надъ трупомъ диплодока-исполина
Два аллозавра въ яростномъ бою.

А тамъ въ волнахъ морскихъ свинцово-чорныхъ
Ихтиозавры бѣшено плывутъ,
И стаи птеродактилей проворныхъ
Надъ ними въ воздухѣ пронзительно режутъ.

Но не страшны мнѣ были эти базилиски
Они ль, другія ль чудища, мнѣ такъ казалось все равно;
Я самъ былъ имъ сродни, они мнѣ были близки,—
Но это было такъ давно, давно...

Прошли опять вѣка, тысячелѣтья,
И новый міръ смѣнилъ драконовъ рой,
И этотъ новый міръ хочу воспѣть я,
Чтобъ онъ еще разъ всталъ передо мной.

Лѣса и степи, роши и болота,
И всюду жизнь кипитъ живымъ ключемъ.
Тамъ въ тепломъ озерѣ лежатъ два бегемота,
А тамъ гиппаріоны мчатся табуномъ.

Въ лѣсу свирѣпый махайродусъ рыщетъ
И иктитерій бродитъ по ночамъ.
Онъ воеетъ жалобно и пищу себѣ ищетъ.
И имъ однажды съѣденъ былъ я самъ.

Но все исчезло въ вѣчности великой,
Въ забвеньи кануль яркій кайнозой.
Теперь ужъ я далекъ отъ жизни этой дикой:
Я—homo sapiens, я—царь земной.